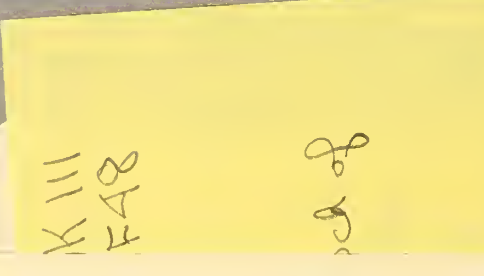
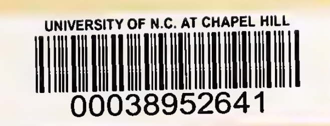
Smuta i narod na Rusi v
nachalíe XVII víeka.

N. N. Firsov






UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038952641

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ ДРЕВНОСТИ
имени **А. И. Успенскаго**
при Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Н. Н. ѲИРСОВЪ

орд. проф. Казанскаго Университета

СМУТА и НАРОДЪ

на Руси

въ началѣ XVII вѣка

Москва — 1918



Н. Н. ѲИРСОВЪ

орд. проф. Казанскаго Университета

СМУТА и НАРОДЪ

на Руси

въ началѣ XVII вѣка

Москва — 1918

МОСКВА 1918.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., 11.

СМУТА И НАРОДЪ НА РУСИ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

(Историческій эскизъ *).

I.

Въ настоящее время едва ли можно сказать что-либо новое о Смутномъ времени въ началѣ XVII вѣка. Этой темѣ посчастливилось, и она разработана лучше многихъ темъ по русской исторіи Московскаго періода. Господствующій въ исторіографіи о Смутномъ времени выводъ о заведеніи смуты боярствомъ имѣетъ за собой болѣе, чѣмъ трехвѣковую традицію, восходящую къ сообщенію купцомъ Буссовымъ московской сплетни о томъ, что когда царь Борисъ узналъ о появившемся въ Польшѣ самозванцѣ, то онъ, созвавъ бояръ, бросилъ въ глаза имъ обвиненіе: „Это ваше дѣло", будто бы, сказалъ онъ боярамъ. Въ подготовкѣ перваго самозванца бояръ заподазривалъ и историкъ XVIII в. кн. Щербатовъ, предполагавшій: не было ли тутъ кого-либо изъ знатныхъ, т.-е. бояръ, кто создалъ Лжедимитрія для освобожденія отъ Бориса Годунова съ тѣмъ, чтобы потомъ и самое орудіе гибели ненавистнаго царя тоже низвергнуть, какъ „слабаго кумира". Осторожно выраженная догадка стараго историка въ новой русской исторіографіи сдѣлалась твердымъ убѣжденіемъ: Соловьевъ, Ключевскій, проф. Платоновъ, о. Пирлингъ и др. вѣрятъ, что смуту начало

*) Эта статья была составлена въ 1913 г., для прочтенія на Съѣздѣ Московскаго Археологическаго Института. Ненапечатанная въ свое время она выходитъ теперь въ свѣтъ въ прежнемъ видѣ,—безъ измѣненій.

боярство. Въ частности, лучшій нынѣ знатокъ Смутнаго времени, проф. Платоновъ, убѣжденъ, что Смуту начали бояре: въ своихъ „Очеркахъ по исторіи Смуты“ онъ детально разсматриваетъ отношенія боярской среды со смерти Ивана Грознаго и указываетъ даже тотъ боярскій кругъ, откуда вышла самозванческая интрига, выпустившая перваго самозванца — на царя Бориса. Повидимому, положеніе о томъ, что Смута началась сверху,—оттого, что бояре, по прекращеніи старой династіи, перессорились изъ-за престола, да такъ перессорились, что приступили къ опаснымъ мистификаціямъ,—не нуждается въ пересмотрѣ; повидимому, оно прочно установлено. Въ этомъ какъ бы убѣждаетъ насъ и мнѣніе самого народа. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ тѣмъ народнымъ воспоминаніямъ, которыя дошли до насъ въ историческихъ пѣсняхъ о Смутномъ времени, то мы и здѣсь встрѣтимся съ доминирующимъ значеніемъ въ Смутѣ именно бояръ. Такъ, напр. при низведеніи съ престола Василія Ивановича Шуйскаго,

„Какъ и взговоритъ въ народѣ удалой молодецъ:
Охъ, вы братцы, вы не знаете бѣды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали,
А уже сдѣлали царемъ какова басурмана,
Что Петрушку самозванца злаго боярина“.

Если по поводу всякой тревоги въ Москвѣ народъ въ исторической пѣснѣ спрашиваетъ: „Ужъ не бояре ли взбунтовалися, ужъ не злыя ли собаки повзбѣсилися“, то ясно, что онъ склоненъ думать, что пожаръ Смуты возникъ отъ бояръ, подобно тому, какъ Москва

Загорѣлася отъ большихъ господъ,
Отъ большихъ господъ, отъ большихъ домовъ[1]).

Бояре крамольничали: это безспорно; но не подлежитъ сомнѣнію также и то, что боярскія интриги и борьба за вліяніе и власть, а по древней терминологіи „измѣна“, или „воровство“ изстари гнѣздились въ государевомъ дворцѣ; не оставили означенныя явленія своего обыч-

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, Москва, 1868 г. вып. 7-й, стр. 2.

наго мѣстопребыванія и послѣ Смутнаго времени. Однако, какъ бы бояре ни интриговали, какъ бы ни „измѣняли“, ни „воровали“ такой общенародной Смуты, такой „великой разрухи“, какая постигла Московское государство въ началѣ XVII стол., — не возникало ни раньше, ни позднѣе. Интриги и борьба изъ-за престола разразились съ необыкновенной силой и въ концѣ XVII вѣка, но дальше столичныхъ стрѣлецкихъ мятежей дѣло не пошло — широкія народныя массы не двинулись. Не двинулись онѣ во время борьбы за престолъ же и въ XVIII стол.: все дѣло ограничилось петербургскими гвардейскими „дѣйствами“. Напротивъ, широкія народныя массы въ нашей исторіи приходили въ движеніе, какъ разъ тогда, когда на „верху“, въ царскомъ дворцѣ, обстояло сравнительно благополучно.

Касательно правъ на царство Алексѣя Михайловича, уже наслѣдственнаго монарха, не могло быть ни малѣйшихъ сомнѣній, а между тѣмъ казачество и народныя массы во время разиновщины такъ тряхнули Москвой, что она справилась съ ними лишь послѣ значительнаго напряженія своихъ организованныхъ силъ. Тѣ же народныя массы сильно качнули и тронъ Екатерины II, и соціальные устои Россійской имперіи именно въ тотъ моментъ, когда, послѣ относительныхъ внѣшнихъ успѣховъ этой императрицы, власть ея могла считаться упроченной, та самая узурпированная ею власть, по отношенію къ коей народъ проявилъ изумительную пассивность въ моментъ ея захвата.

Если всмотрѣться поглубже, то можно увидать, что и та пора, которая носитъ спеціальное названіе Смутнаго времени, началась въ сравнительно спокойный моментъ въ исторіи русскаго престола. Но неспокойно было въ широкихъ народныхъ массахъ: въ нихъ бродилъ слухъ о спасшемся царѣ Дмитріи. Это было въ самомъ началѣ XVII в., когда московское государство было постигнуто трехлѣтнимъ голодомъ, въ борьбѣ съ которымъ изнемогалъ царь Борисъ. Совпаденіе означеннаго слуха съ голоднымъ бѣдствіемъ не было случайно, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго; теперь отмѣтимъ лишь, что слухъ о царѣ Дмитріи, усиливъ народное броженіе, далъ ему опредѣленное направленіе, явился началомъ самозванческой эпохи.

Когда появились первые слухи о самозванцѣ, на московскомъ престолѣ сидѣлъ законный царь Борисъ Годуновъ, власть которому надъ страной вручилъ земскій соборъ, единогласно избравъ его на царство; этотъ царь и послѣ появленія первыхъ слуховъ о самозванцѣ продолжалъ править безъ какихъ-либо замѣтныхъ помѣхъ со стороны боярскаго класса или какого-либо боярскаго кружка, и когда, наконецъ, въ Польшѣ „объявился“ и самъ тотъ, котораго многоустая молва нарекла Дмитріемъ, сыномъ Ивана Грознаго, — то шелъ уже 6-й годъ царствованія Бориса Годунова, и ничто, казалось, не предвѣщало близкой гибели этого перваго избраннаго царя и его династіи. Казалось же такъ потому, что неспокойно-то было не на „верху“, а внизу, въ глубинѣ народнаго моря, куда съ трудомъ доходилъ даже зоркій глазъ Годунова. Здѣсь, въ низшихъ слояхъ народа, таилось и крѣпло чувство страха предъ московской правительственной рукой, неизбѣжно соединявшееся съ чувствомъ ненависти къ ней и со стремленіемъ уйти отъ нея подальше, туда, куда эта рука не могла бы достать. Такое народное настроеніе явилось результатомъ всей предшествующей исторіи московской централизаціи.

II.

Хорошо извѣстно, что формированіе государственной территоріи Москвы и ея усилія сплотить въ одно политическое цѣлое разныя части владѣній ея династіи сопровождались для самой многочисленной части населенія московскаго государства тяжелымъ и роковымъ, обнаружившимся уже въ XVI стол., послѣдствіемъ, а именно тѣмъ, что крестьянство, еще въ предшествовавшую удѣльную эпоху лишившись земли, попадая затѣмъ въ кабалу за неоплатные долги владѣльцамъ, стало лишаться и свободы передвиженія отъ одного владѣльца къ другому. По слѣдамъ этого стихійнаго, на почвѣ матеріальной задолженности, прикрѣпленія шла и правительственная политика, которая не только санкціонировала созданное жизнью явленіе, но дѣлала его еще болѣе ощутительнымъ, а во многихъ случаяхъ, вѣроятно, и вновь его создавала. Оста-

навливаться на сложномъ вопросѣ о прикрѣпленіи я не буду, для меня важно отмѣтить, что это явленіе было однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ усилившагося въ исходѣ XVI вѣка бѣгства крестьянъ на окраины. Кризисъ во второй половинѣ XVI в. сельскаго хозяйства въ центральныхъ областяхъ, тягловыя требованья московскаго правительства, дѣйствія администраціи вызывали это движеніе населенія подальше отъ центра, быстро запустѣвавшаго. Правительственная политика стремилась прекратить этотъ „разбродъ“ „людишекъ московскаго государя“, породившій кризисъ служилаго землевладѣнія: такъ надо смотрѣть на регистрацію населенія описью въ 1592 г., и на указы о срокѣ для сыска бѣглыхъ. Но мѣры эти оказались не дѣйствительны. Напротивъ, эти мѣры на первыхъ порахъ повели къ результату, противоположному той цѣли, которую онѣ имѣли въ виду: онѣ потрясли крестьянство и дали сильный толчекъ уже происходившему разброду. Право выхода было единственной прерогативой крестьянской массы, жившей на владѣльческихъ земляхъ, даже если признать, что это слово совсѣмъ потеряло свой прямой смыслъ и означаетъ „вывозъ“.

О „выходѣ“ мечтали крестьяне и позднѣе, послѣ Смуты, говоря, что царь Михаилъ Федоровичъ дастъ „выходъ“ по случаю рожденія царевича Алексѣя Михайловича: это именно усматривается въ новыхъ, недавно изданныхъ [1]), матеріалахъ, на которыхъ и дальше не разъ мнѣ придется основываться въ настоящемъ изложеніи.

Если крестьянское сознаніе такъ крѣпко держалось за потерянное право, то ясно, что въ ту эпоху, когда утрата этого права только-что совершилась, крестьянство пережило трагическій моментъ отчаянія въ своемъ, какъ бы, безвыходномъ положеніи. Но міръ не клиномъ сошелся, и путь, если не къ выходу, то къ выбѣгу, оставался широко открытымъ. Этотъ путь старинный, проторенный всѣми подневольными и изнемогавшими подъ государственными и частными требованіями и отвѣтственностью, путь въ особенности

[1]) Новомбергскій, Слово и дѣло государевы, т. I, Москва, 1911 г., 71.

холоповъ, которые, какъ и „тюремные сидѣльцы“, ничего не оставляли на своихъ мѣстахъ, кромѣ ярма и цѣпей, а уносили съ собой жгучую ненависть ко всѣмъ, выше ихъ стоявшимъ на общественной лѣстницѣ. Съ этой массой озлобленнаго люда смѣшивались и бѣжавшіе отъ крѣпостной петли многочисленные крестьяне, гонимые, какъ и всѣ, вступившіе на этотъ путь, страхомъ предъ силой и воодушевляемые одною ненавистью ко всему, оставляемому за собой. Эта масса сама себя объявляла вольными людьми, она пополняла ряды казачества, раньше создавшагося изъ подобныхъ же отщепенцевъ государства. Но казачество не было однородной общественной группой. Оно уже давно разчленилось. Помимо городовыхъ служилыхъ казаковъ, оно представляло два разряда: 1) старое коренное казачество, жившее самостоятельно на Дону и готовое за хорошее жалованье служить государству, равно какъ, впрочемъ, и поживиться на его счетъ при подходящемъ случаѣ и 2) новое казачество, это недавніе бѣглецы, вчерашніе холопы, тюремные сидѣльцы, крестьяне, это, вѣроятно, болѣе обширная, чѣмъ первая, группа не столько казаковъ, сколько казачествующихъ, постоянно пополняемая новиками, группа со свѣжимъ чувствомъ обиды, помышлявшая не о службѣ, а о свободной и разгульной жизни, о мести и добычѣ. Южная окраина была наполнена подобнымъ бродячимъ казачествующимъ людомъ. Правительство Бориса стремилось утилизировать этихъ гулящихъ людей и здѣсь, на окраинѣ, гдѣ происходило торопливое испомѣщеніе служилыхъ людей ради обороны южной границы отъ крымцевъ, гдѣ заводилась обременительная для населенія окраинныхъ городовъ „государева десятинная пашня“. Бѣглая, называвшая себя вольной, масса старательно захватывалась здѣсь фискальною сѣтью: она облагалась подушною податью и тѣмъ опять прикрѣплялась къ государственной организаціи. Не только на казачествующій людъ окраины, но и на настоящее казачество, жившее за предѣлами господства грозной государственной власти,—на Дону, правительство царя Бориса воздвигло сильное гоненіе: „тѣмъ же казакомъ“, свидѣтельствуетъ намъ лѣтописецъ, „отъ царя Бориса было гоненіе веліе, ни пускалъ

ихъ ни въ который городъ: куда они ни придутъ, ихъ вездѣ имаше и по темницамъ сажаху“ [1]). Это несомнѣнно было не только наказаніемъ казакамъ за побѣгъ, но и профилактическою мѣрою: власть хотѣла предотвратить тотъ соблазнъ, который отвѣдовавшіе вольнаго Дона могли внести въ окраины, а также отбить охоту въ тѣхъ, которые уже готовы были сдѣлать перебѣжку туда съ окраины. Съ Дона закрывался обратный путь въ окраиные города, а безъ нихъ многіе и изъ бѣжавшихъ туда, на Донъ, очевидно, обойтись не могли: тамъ постоянно была нужда — и въ пищѣ, и въ порохѣ, и во многомъ другомъ, чѣмъ бѣглецовъ манила Русь. Между тѣмъ, правительство создавало своей политикою по отношенію къ казакамъ столь трудное положеніе, что они, по сообщенію лѣтописца, не имѣли „себѣ пристанища нигдѣ“ [2]).

Такая политика Бориса къ казачествующимъ и казачеству усиливала броженіе въ этой съ давнихъ поръ раздраженной средѣ, которая съ каждымъ годомъ увеличивалась численно. Упомянутый выше великій трехлѣтній голодъ, постигшій московское государство, бросилъ въ эту среду новыя толпы озлобленныхъ людей, въ особенности многочисленныхъ холоповъ, выгнанныхъ ихъ господами самостоятельно искать себѣ пропитаніе. Эти озвѣрѣвшіе отъ голодной муки люди стали собираться прямо въ разбойническія шайки, разросшіяся, въ свою очередь, до новаго настоящаго государственнаго бѣдствія.

Цѣлой царской рати пришлось промышлять надъ ними, добравшимися подъ Москву, и здѣсь едва-едва удалось поразить многочисленную толпу разбойниковъ, дравшихся съ правительственнымъ войскомъ, „аки звѣри“, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ атамановъ, Хлопка-Косолапа, въ которомъ нельзя не видѣть предшественника мужицко-казацкихъ вождей Смутнаго времени.

Можно, мнѣ кажется, признать, что всѣми указанными явленіями, въ которыхъ уже обнаруживались неустройство и кризисъ народной жизни, и создавалась въ дальнѣйшемъ почва для еще болѣе глубокихъ

---

1) Лѣтописи, Никон., VIII, 59.
2) Никон. лѣтоп., VIII, 59.

потрясеній этой жизни, всегда сопровождающихся рѣзко выраженнымъ моральнымъ упадкомъ.

Такія состоянія, какія переживались низшими слоями народа предъ появленіемъ Лжедмитрія, состоянія „разброда", смятенія и озлобленности подъ натискомъ остро ощущаемой безвыходности, — обыкновенно возбуждаютъ въ массахъ фантазію, направляя ее въ поиски виновника переживаемыхъ бѣдствій, также въ поиски и того, кто освободилъ бы народъ отъ нихъ. Такъ было и въ изучаемую пору. Виновникъ былъ найденъ быстро. Кто это, какъ не тотъ, кого низшіе слои населенія, въ особенности казачествующіе его элементы, возненавидѣли за его требовательную къ нимъ политику, какъ не тотъ, надъ которымъ въ добавокъ тяготѣло въ народныхъ воспоминаніяхъ углическое преступленіе? Тѣмъ болѣе народу легко было свалить всю вину „бѣдствій" на царя Бориса, котораго Богъ, де, этимъ путемъ наказалъ за его грѣхи, что Борисъ былъ бояринъ, и его царствованіе было хозяйствованіемъ „боярскихъ рукъ", съ давнихъ поръ ненавистнымъ народу. „Какъ представился-то нашъ православный царь Ѳедоръ Ивановичъ", вспоминаетъ народъ въ одной изъ своихъ историческихъ пѣсенъ,

„Такъ досталася Россеюшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
Уже и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ—народъ надулъ"[1]).

Не замедлила народная фантазія пріискать и избавителя. Еще голодное бѣдствіе продолжалось, какъ по русской землѣ прошелъ первый слухъ о царѣ Дмитріи, спасшемся отъ боярина-царя Бориса и собирающемся прійти на Русь и освободить ее отъ „злодѣйскихъ рукъ". Живительнымъ токомъ пронизалъ этотъ слухъ народную громаду: она сразу насторожилась и начала ждать,—готовая принять младшаго сына царя Ивана. Грозный царь своими успѣхами на татарскомъ востокѣ, обезопасившими русскій народъ съ этой стороны и открывшими ему широко-раздольную волжскую дорогу, а также „воздвигнутымъ" имъ „гоненіемъ вели-

---

[1]) Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, II, вып. 7-й, стран. 2.

кимъ“ на бояръ за ихъ „измѣну“ и вообще демагогическими пріемами своей внутренней политики сдѣлался весьма популярнымъ въ народѣ. Темна мятущаяся народная душа, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что народъ, ненавидя бояръ, относя къ нимъ причину всѣхъ своихъ бѣдствій, привыкъ надѣяться на царя именно, какъ на своего оборонителя и заступника. Такимъ-то и представлялся народу послѣдній, неожиданно обрѣтшійся отпрыскъ старой династіи „прирожденныхъ государей“.

Вотъ соціолого-психологическая атмосфера, при условіи которой только и могла явиться возможность такого успѣха самозванщины, какой мы видимъ въ Смутное время; а этотъ успѣхъ и былъ, въ свою очередь, существеннѣйшимъ условіемъ столь широчайшаго распространенія смуты, захватившей всѣ общественные элементы, всю государственную территорію и произведшей полное разрушеніе государственнаго порядка.

Смута, подготовлявшаяся издавна, разразилась при наступленіи голоднаго бѣдствія, когда появился и первый слухъ о спасшемся и долженствующемъ прійти царѣ Дмитріи. Простое жизненное чутье подсказало современнику, что именно съ этого момента, когда великій голодъ и грубо-эгоистическое отношеніе къ умиравшимъ отъ него со стороны сильныхъ людей и высшихъ классовъ замутили умы и сердца, словомъ съ момента общей соціальной и моральной дезорганизаціи — возникло „смятеніе“ „во всей русской землѣ“ [1]). Современники замѣчали грозные симптомы начавшагося общественнаго кризиса: „Люди“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „становились все хуже и хуже, болѣе и болѣе вдавались въ разбои и грабежи и впадали въ такое коснѣніе, какъ еще никогда не было на свѣтѣ“ [2]); „москвитяне“, будто бы пророчествовалъ въ этотъ моментъ одинъ татаринъ, по сообщенію Буссова, „измѣнятъ сами себѣ и какъ псы будутъ язвить и истреблять другъ друга“ [3]). Вотъ соціально-моральная среда, въ

---

[1]) Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіевск. мон. Авраам. Палицына, 53.
[2]) Сказанія Массы и Геркмана о Смутн. времени въ Россіи. Изд. Археогр. Комиссіи, стр. 81.
[3]) Сказаніе совр. о Дмитріи самозванцѣ, изд. Устрялова, т. I, стр. 43.

которой, конечно, возможны были успѣхи всякой подходящей къ ней авантюры. Если даже мы и согласимся считать вполнѣ доказаннымъ, что бояре заварили смутную кашу, создавъ могучаго соперника Борису въ лицѣ перваго самозванца, то все-таки остается справедливымъ то положеніе, что безъ соотвѣтствующаго настроенія въ народныхъ массахъ боярская затѣя не подняла бы всей Руси и не пріохотила бы низшіе слои населенія и впослѣдствіи долго надѣяться на царя Дмитрія. Суть дѣла въ томъ, что въ народѣ уже бродила созданная предшествовавшей жизнью и политикой смута и таилась готовность признать чудо спасенія и принять спасшагося прирожденнаго царя ради избавленія отъ тяготъ и бѣдствій, т.-е. ради новаго чуда.

III.

При всей авторитетности ученыхъ, придерживающихся господствующаго мнѣнія о застрѣльщикахъ смуты, мы думаемъ, что доказать боярскій починъ въ дѣлѣ перваго самозванца такъ, чтобы на этотъ счетъ не оставалось сомнѣній, — очень трудно, ибо въ сущности прямыхъ свидѣтельствъ въ означенномъ смыслѣ мы не имѣемъ; все же то, что говорится по данному вопросу на основаніи косвенныхъ указаній, очень походитъ на романъ, въ основу коего положено представленіе, опять-таки предвзятое, о личной психологіи перваго самозванца, яко бы убѣжденнаго въ своемъ царственномъ происхожденіи.

Насколько, однако, самый, отмѣчаемый сейчасъ, вопросъ смутенъ, достаточно свидѣтельстуетъ, напр., то обстоятельство, что одинъ изъ большихъ знатоковъ Смутнаго времени Н. И. Костомаровъ въ двухъ своихъ изслѣдованіяхъ далъ діаметрально противоположные отвѣты на этотъ вопросъ. Въ одномъ подъ заглавіемъ: „Кто былъ первый Лжедмитрій“ Костомаровъ традиціонно считаетъ Лжедмитрія I-го орудіемъ, подготовленнымъ враждебной Борису боярской партіей; въ другомъ — подробной монографіи о Смутномъ времени московскаго государства — тотъ же изслѣдователь отрицаетъ боярскую интригу, отрицаетъ и убѣжден-

ность самозванца въ его царственномъ происхожденiи которая доказывалась въ первомъ изъ упомянутыхъ сочиненiй.

Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ не такъ уже безповоротно разрѣшенъ и въ настоящее время, какъ это представляется съ перваго взгляда. Если самъ царь Борисъ, дѣйствительно, и заподозрилъ бояръ въ подготовкѣ самозванца, то это вскрываетъ скорѣе психологiю Бориса, чѣмъ настоящую пружину самозванческаго предпрiятiя. Борисъ вышелъ изъ опричины Грознаго, онъ былъ его политическимъ воспитанникомъ — какую другую общественную силу могъ заподозрить въ самозванческой интригѣ царь такого типа, кромѣ бояръ-„ласкателей“ и „измѣнниковъ“? Въ этомъ отношенiи психологiя московскаго самодержца сходилась съ психологiей широкихъ народныхъ массъ, всегда готовыхъ во всякомъ замѣшательствѣ винить „большихъ господъ“, „лиходѣевъ бояръ“. Мы, впрочемъ, не станемъ разбираться въ этомъ, едва ли не безнадежномъ вопросѣ о происхожденiи и настроенiи перваго самозванца. Мы позволимъ себѣ указать на невольно бросающуюся въ глаза аналогiю: извѣстно, что пугачевскiй замыселъ и современники и нѣкоторые историки тоже пытались связывать съ придворной оппозицiей Екатеринѣ, переплетая эту оппозицiю съ интригами внѣшнихъ враговъ Россiи; однако, при иномъ состоянiи источниковъ, историческое изслѣдованiе легко выяснило полную непричастность, какъ придворныхъ, такъ и иностранныхъ дипломатическихъ козней къ выступленiю Пугачева.

Это послѣднее серьезное самозванческое предпрiятiе бросаетъ ретроспективный свѣтъ на перваго самозванца, и темный вопросъ о появленiи Лжедмитрiя I-го становится нѣсколько яснѣе... Мнѣ кажется, имѣются логическiя и фактическiя основанiя предполагать, что этотъ самозванецъ былъ созданiемъ не боярской политической интриги, а стихiйнаго процесса народной жизни, забурлившей въ своихъ глубинахъ, замутившейся и выбросившей на поверхность человѣка чуткаго, бойкаго и смѣлаго, рѣшившагося въ своемъ лицѣ осуществить носившуюся молву. Есть указанiе, что этотъ человѣкъ побывалъ въ Запорожьѣ,

очагѣ авантюризма, гдѣ въ невѣдомомъ искателѣ счастія окончательно могло укрѣпиться намѣренье принять на себя повисшее въ воздухѣ царственное имя. Не менѣе, вѣроятно, чѣмъ воспитаніе самозванца боярами, то предположеніе, что именно въ Запорожьѣ этотъ человѣкъ убѣдился въ возможности разсчитывать въ своемъ отважномъ предпріятіи на казацкую помощь. Не даромъ, когда онъ объявился въ Польшѣ, нѣкто Гаврило Круповичъ, кіевлянинъ, написалъ одному агенту Бориса: „Казаки съ Запорожья послали до того господарчика, чтобы имъ награду далъ, а они его на Москву нести поднималися". Запорожцы дѣйствительно и поддержали предпріятіе самозванца на первыхъ порахъ. Восточное казачество тоже не замедлило потянуться къ объявившемуся царю Дмитрію. Изъ среды этого казачества впослѣдствіи вышелъ цѣлый рядъ самозванцевъ, и достойно вниманія, что одинъ изъ первыхъ слуховъ о имѣющемъ появиться царѣ Дмитріи пришелъ въ Москву съ Волги, изъ казацкой шайки. Тогда волжскіе казаки, отпуская служилыхъ людей изъ своего полона, велѣли имъ сказать царю Борису: „Вотъ мы, казаки, скоро придемъ въ Москву съ царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ". Народная молва о царѣ Дмитріи еще задолго до его появленія бродила по обширному пространству отъ Урала до Днѣпра, внося еще болѣе смуты въ массовую психологію. Наиболѣе воспріимчивыми къ этой молвѣ оказались казацкія общества, разсѣянныя по южнымъ и восточнымъ рѣкамъ этой громадной территоріи. Донское казачество наиболѣе потерпѣло отъ царя Бориса, отъ его „гоненія велія" на казаковъ и казачествующихъ, и потому съ Дона вышло особенно горячее желаніе поддержать царя Дмитрія противъ царя Бориса, когда первый „объявился" въ Польшѣ. Туда къ самозванцу прибыло донское посольство—бить ему челомъ, „чтобы онъ не замѣшкалъ, шелъ въ Московское государство, а они ему всѣ рады". Какъ къ своему солнцу, тянулись къ царю Дмитрію всѣ казацкія общества, но Донское казачество, по указанной выше причинѣ и еще потому, что здѣсь были выходцы, преимущественно изъ Московскаго государства, съ которымъ у нихъ были острые счеты,—приняло въ дѣлѣ перваго само-

званца особенно энергичное участіе. „Донскіе казаки“, справедливо замѣчаетъ о. Пирлингъ, авторъ, склонный видѣть въ предпріятіи перваго самозванца осуществленіе крамольной боярской программы, „не только сами отозвались на призывъ Дмитрія, они оказали ему существенную услугу, успѣвъ привлечь на его сторону ногайскихъ татаръ, могущественную орду, которую въ Кремлѣ считали преданной царю“. Значительный отрядъ донцовъ явился къ Лжедимитрію Первому подъ Тулу. „Онъ же“, разсказываетъ лѣтописецъ, „радъ былъ и допустилъ казаковъ къ рукѣ прежде бояръ, а казаки, какъ лютые звѣри, лаяли и позорили бояръ, которые пришли съ Москвы“. Это было вполнѣ возможно, такъ какъ самъ Лжедмитрій сурово отнесся къ этимъ боярамъ: онъ, по свидѣтельству лѣтописца, допустилъ къ себѣ бояръ послѣ казаковъ; относясь милостиво къ послѣднимъ, наказывалъ первыхъ и лаялъ ихъ, „яко прямой царскій сынъ“ [1]). Это сообщеніе не оцѣнивается по достоинству сторонниками традиціоннаго мнѣнія о подготовкѣ самозванца боярами, а, между тѣмъ, оно весьма знаменательно: если бы этотъ человѣкъ даже былъ убѣжденъ въ томъ, что „онъ прямой царскій сынъ“, то все-таки едва ли бы онъ сталъ такъ унижать бояръ предъ казаками, зная, что иниціатива его призванія и признанія идетъ изъ боярской среды, хотя бы изъ опредѣленнаго боярскаго кружка. Если бы и при означенномъ условіи онъ поступилъ такъ, то это было бы ни съ чѣмъ не сообразно и противорѣчило бы представленію объ умѣ, признанномъ всѣми въ первомъ самозванцѣ; остается одно—не придавать приведенному лѣтописному свидѣтельству надлежащаго значенія, даже прямо игнорировать его, а это мы сдѣлать не имѣемъ права: въ противномъ случаѣ, съ одинаковою основательностью, мы были бы въ правѣ игнорировать вообще всѣ лѣтописныя и мемуарныя сообщенія, тѣмъ болѣе разныя подлинныя, яко бы сказанныя слова и рѣчи, служащія, однако, ученымъ изслѣдователямъ въ качествѣ аргументаціи того или другого заключенія.

Принимая приведенное лѣтописное сообщеніе, мы

---

[1]) Никонов. лѣт., цит. изд., 66.

можемъ прійти только къ одному выводу, а именно, что Лжедмитрій I прекрасно понималъ, что настоящая его опора не боярство. Кто же? Да всѣ общественные слои, лежавшіе ниже боярства. Въ нихъ глухо клокотала оппозиція правительственному режиму царя Бориса. Изъ этихъ слоевъ особенно рѣшительно выступило на активную борьбу сначала съ этимъ правительствомъ, а потомъ и вообще съ высшими классами общества казачество.

IV.

Казачеству, какъ сложной по соціальному составу группѣ, были не чужды нужды, скорби и чаянія всѣхъ, кому плохо жилось на Руси. Въ казаки шелъ и выбившійся изъ силъ мелкій служилый человѣкъ, приносившій съ собой на Донъ не только свою озлобленность, но и надежду на царское жалованье, и разорившійся посадскій, но въ особенности, разумѣется, безправный холопъ и близкій къ нему по фактическому положенію крестьянинъ.

Выдѣлившись изъ всѣхъ низшихъ классовъ народа, казачество по своему психологическому содержанію наиболѣе сродно было мелкому служилому люду и широкой массѣ всѣхъ, лишившихся личной свободы; ибо, какъ мы знаемъ, старому домовитому казачеству свойственны были чисто служилыя функціи и соединявшіяся съ ними надежды на всякія пожалованья отъ царя, а новое казачество и вообще вся казацкая голытьба отразили въ своей психологіи, главнымъ образомъ, ненависть къ боярамъ-господамъ и непримиримость къ наличному государственному и общественному порядку со стороны всѣхъ, обращенныхъ имъ въ простой рабочій инвентарь.

Такимъ образомъ, ясно, что показывая благоволеніе къ казачеству, Лжедмитрій I-й тѣмъ самымъ хотѣлъ почтить въ лицѣ его недовольное большинство народа, самые обездоленные элементы коего онъ стремился еще крѣпче привязать къ оживавшей въ немъ прирожденно-царской (а не боярской) власти. Съ этой точки зрѣнія получаетъ надлежащій смыслъ и сообщеніе Петрея, что въ Москвѣ подносимую хлѣбъ-соль

царь Дмитрій принималъ „съ особеннымъ чувствомъ и расположеніемъ именно отъ бѣдняковъ“; вообще понятны, съ этой точки зрѣнія, и демогогическія тенденціи его поведенія и внутренней политики, мелькнувшія въ его кратковременное царствованіе.

Итакъ, выйдя не изъ бояръ, а изъ народа, по всей вѣроятности, изъ мелкой служилой массы, Лжедмитрій I-й и главную свою поддержку нашелъ въ народѣ, а руководителемъ народа въ ту пору явилась организованная, наиболѣе оппозиціонно настроенная, его часть—казачество. Не сознательный боярскій планъ, но стихійная сила народно-казацкой оппозиціи породила перваго самозванца, за которымъ послѣдовалъ второй и еще цѣлая толпа — все созданія той же самой силы.

Въ этомъ отношеніи нельзя проводить рѣзкой грани между первымъ и послѣдующими самозванцами, какъ это обыкновенно дѣлается: ихъ разница не въ происхожденіи, а въ степени ихъ успѣха. Простой народъ не вынесъ обрушившихся на него соціальныхъ и физическихъ бѣдствій, закрѣпощенія и великаго голода, и народная душа замутилась, создавъ легенду, въ которую ей повѣрилось, какъ въ самую подлинную быль, начались смятенія и неустройства, чѣмъ воспользовались переполненныя озлобленными искателями счастья и добычи казацкія общества и начали ухватываться за самозванцевъ, а потомъ и сами создавать прямо своихъ царей. Примѣръ, поданный казаками, оказался заразительнымъ. Впослѣдствіи вспоминали, что по-казацки поступали и крестьяне, что, де, Шацкаго уѣзда мужики—коверницы, колтырницы, конобѣевцы, „собрався“, „говорили межъ собой такъ: сойдемся, де, вмѣстѣ и выберемъ себѣ царя“ [1]). Но донское казачество изъ всѣхъ казацкихъ обществъ сыграло наиболѣе видную роль въ Смутѣ, отсюда именно вышелъ наиболѣе энергичный учетъ народнаго настроенія въ Московскомъ государствѣ, всецѣло раздѣлявшагося именно на Дону: не даромъ и пѣсня, изображающая Смутное время на Руси, припѣваетъ: „Ой, съ Дону, ой, съ Дону“ [2]). Да, „съ Дону“, все равно какъ болѣе полутора вѣка спустя

---

1) Слово и дѣло 584.
2) Пѣсни, собран. В. П. Кирѣевскимъ, вып. 7-й, 20 и 21.

подобный же учетъ народнаго настроенія вышелъ съ Яика. Да и хорошо запомнилась на Руси роль казачества въ исторіи самозванцевъ въ Смутное время. Стоило только кому (послѣ Смуты) разсердиться на казака, чтобы сейчасъ же слѣдовалъ укоръ казачеству за заведеніе имъ царей въ Смутную пору: „не старая вамъ пора", кричалъ однажды попъ на бѣлопомѣстнаго Козельскаго казака, на непечатную брань его отвѣчая ему тѣмъ же, „не старая вамъ пора, колй вы царей заводили да воровали, нашу братію до смерти побивали" [1]). На заявленіе же казака, что онъ не воръ, что онъ „государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу Романову крестъ цѣловалъ", попъ отвѣтилъ: „цѣловали ли вы, бледины дѣти, крестъ свиньѣ, ужо̀, у васъ, бледины дѣти, опять на Украйнѣ царь проявится съ вашимъ воровствомъ". А какъ заводились эти цари въ ту „старую пору" (да и позднѣе), — объ этомъ даютъ намъ представленіе тѣ же документы изъ сферы стараго „Слова и Дѣла", откуда приведенъ нами поповскій упрекъ казаку. На московскомъ престолѣ давно уже сидѣлъ избранный „всею землею" Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ, а въ кабакахъ нѣтъ-нѣтъ да послышится пьяная отрыжка самозванства: какой-нибудь гулящій человѣкъ то попрочитъ себя въ цари, то назовется царскимъ сыномъ, какъ, напр., послѣднее учинилъ одинъ станичный ѣздокъ, который, „пьючи въ кабакѣ, говорилъ непригожее слово и называлъ себя царевымъ сыномъ, а какого царя сыномъ, и того именно не выговорилъ" [2]). А бывало и такъ: сидитъ, сидитъ въ тюрьмѣ какой нибудь бывшій холопъ, да и скажетъ своему товарищу по заключенію; „сижу я топерва въ темницѣ въ бѣдности, а какъ выйду изъ тюрьмы, и я буду надъ вами, мужики, царь" [3]). Съ другой стороны, народное сознаніе не хотѣло разстаться съ царемъ Дмитріемъ: „растрига" и „тушинскій воръ" не разувѣрили, а скорѣе укрѣпили народъ въ увѣренности, что настоящій прирожденный царь Дмитрій живъ, — и потому естественно, захмѣлѣвшія мужицкія

[1]) „Слово и Дѣло", цит. изд., 17 и 18.
[2]) Ibid., 41 и 42.
[3]) Ibid., 63.

головы, не признавая царствовавшаго государя, говорили „непригоже“: „здоровъ бъ де былъ царь Дмитрій“ [1]). Нѣкоторые въ царствованіе Михаила были убѣждены, что царь Дмитрій живъ. Такъ, однажды въ бесѣдѣ на курганѣ одинъ изъ собесѣдниковъ малороссовъ „товарищъ Демидка“ говорилъ: царь Дмитрій живъ, объявился онъ въ Запорогахъ, и изъ Запороговъ послалъ его Саадачной къ королю, платье ему добылъ, далъ русскій казакъ, Ваською зовутъ, тому будетъ 7 лѣтъ“ [2]). Подобныя интимныя бесѣды, зарегистрированныя въ документахъ „Слова и Дѣла“, мнѣ кажется, и даютъ намъ болѣе твердую мотивировку, чѣмъ раньше, предположительнаго заключенія о первомъ самозванцѣ—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ никто никогда не сомнѣвался касательно послѣдовавшихъ: первый, какъ и остальные Дмитріи и иные царевичи, то сыновья, то внуки Грознаго были продуктомъ народно-казацкаго настроенія, олицетвореніемъ, какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ стремленій, желаній и аппетитовъ широкихъ массъ народа.

V.

Отстаивая этотъ тезисъ, я вовсе не имѣю въ виду отрицать участія въ Смутѣ боярства, начиная съ перваго самозванца; нѣтъ, боярство тоже воспользовалось самозванцемъ, но онъ не боярствомъ былъ созданъ: оно ухватилось за готоваго самозванца уже послѣ того, какъ за царя Дмитрія крѣпко держались казаки и испомѣщенный въ южной окраинѣ государства мелкій служилый людъ, и когда сдѣлалось очевиднымъ, что, при народномъ сочувствіи къ царю Дмитрію, побѣда его надъ Годуновскимъ правительствомъ—вопросъ непродолжительнаго времени. Какъ на орудіе, на перваго самозванца, смотрѣли не только внутри государства, но и внѣ его, но отсюда вовсе не вытекаетъ, что царя Дмитрія подготовила или Польша, или отдѣльные польскіе магнаты, или Ватиканъ, или, наконецъ, всѣ эти сообща.

---

[1]) Ibid., 11 и слѣд., 68 и слѣд.
[2]) Слово и дѣло, 428.

Обратимся на минуту опять къ нашей аналогіи: если бы даже Пугачевъ одержалъ верхъ надъ екатерининскимъ правительствомъ, то, — кто знаетъ, — можетъ быть, и въ этомъ случаѣ нѣкоторые изъ придворной знати и иностранная политика воспользовались бы имъ для своихъ цѣлей, — и тогда, вѣроятно, явился бы большій просторъ для доказательства предположенія о подготовкѣ самозванца враждебной Екатеринѣ придворной партіей, при содѣйствіи алчной иноземной интриги.

Какъ извѣстно, Смута въ началѣ XVII стол., при обнаружившейся слабости собственно государства, раздразнила весьма многіе аппетиты. Послѣ того, какъ кучка бояръ и примыкавшихъ къ ней нѣкоторыхъ служилыхъ людей, а также привлеченныхъ къ заговору московскихъ купцовъ, внезапнымъ нападеніемъ захватила и убила Лжедмитрія I-го, — противъ образовавшейся московской олигархіи поднялось провинціальное служилое дворянство, стремившееся и къ политической и къ экономической власти надъ страной; но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалось движеніе самыхъ низшихъ слоевъ населенія, почувствовавшихъ свою силу еще при побѣдѣ Лжедмитрія I-го надъ Годуновыми и теперь въ прокламаціяхъ Болотникова, а нѣсколько позднѣе — Лжедмитрія II-го, откровенно выразившихъ желаніе занять въ государствѣ мѣста боярства и дворянства — мѣста „боярско-господскія“; эти прокламаціи призывали „боярскихъ холоповъ побивать своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья себѣ брать“. Море жизни московскаго государства волновалось и мутилось все сильнѣе и сильнѣе. „Собрались“, удрученно разсказываетъ лѣтописецъ, „боярскіе люди и крестьяне, съ ними же пристали украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы, и казаки и начали воеводъ хватать и сажать по темницамъ; бояръ же своихъ дома разоряли, и животы грабили, женъ и дѣтей позорили и за себя брали“. Этотъ бурный и мутный потокъ, въ концѣ-концовъ, принесъ къ Москвѣ „воровское“ царство со своимъ особымъ царемъ, преимущественно, царемъ казаковъ, бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, царемъ—„Воромъ“, по прозванію, но имѣвшимъ и бояръ, и даже патріарха; это царство, стихійно образовав-

шееся, и распалось стихійно подъ дѣйствіемъ, главнымъ образомъ, внѣшняго удара—нападенія на московскіе предѣлы польскаго короля, тоже пожелавшаго половить рыбки въ мутной водѣ—русской жизни. Но вотъ, когда Смута разрослась до крайнихъ размѣровъ и стала разрушать экономическую основу общества—торгово-промышленную дѣятельность, повергать въ конечное разореніе и запустѣніе села и города, когда, Смута, сверхъ того, стала грозить обществу распадомъ и лишеніемъ политической независимости, за которой ему чудилось и полное экономическое порабощеніе иноземцамъ, и насильственная перемѣна вѣры, а, слѣдовательно, потеря собственнаго національнаго лица,—тогда всѣ тѣ общественные элементы, которые многое могли потерять съ замѣной московской власти—польской, сплотились и напряженнымъ организованнымъ усиліемъ возстановили государственный порядокъ. Въ числѣ этихъ элементовъ, кромѣ духовенства и обычно указываемыхъ среднихъ классовъ общества, т.-е. служилаго и торгово-промышленнаго классовъ, нельзя не замѣтить и остатковъ боярства и того казачества, которое не ушло съ Заруцкимъ, а осталось подъ Москвой. Казачество начало Смуту, бояре первые ею воспользовались, но эти же элементы общества посодѣйствовали и возстановленію государственнаго порядка: казачеству, когда дѣло его царя было проиграно, представилось выгоднѣе принять участіе въ избраніи общаго царя и получить отъ него пожалованье землями, чѣмъ продолжать безнадежную борьбу за то, что опять сдѣлалось лишь мечтой; тѣмъ болѣе казачество охотно приняло участіе въ избраніи царя, что выставленный кандидатъ былъ изъ дома, къ которому казачество относилось благосклонно, особенно послѣ патріаршествованія Филарета Никитича въ Тушинскомъ царствѣ: боярамъ волей-неволей пришлось нѣсколько посторониться предъ новой политической силой—дворянствомъ и помочь ему, всѣмъ служилымъ и казакамъ, а также и посадскимъ избрать царя, дабы не упустить благопріятнаго момента—обезопасить свое положеніе ограниченіемъ особой записью царскаго произвола и тѣмъ осуществить свою давнишнюю мечту: это боярамъ и удалось сдѣлать по отношенію къ первому царю изъ

новой династіи. Говорятъ, (хотя это и не доказано) бояре намѣчали кандидатуру Михаила потому, что онъ не обѣщалъ самостоятельности: „выберемъ Мишу Романова“, будто бы писалъ въ Польшу князю В. В. Голицыну бояринъ Шереметевъ, „онъ еше молодъ и разумомъ не дошелъ, и намъ будетъ повадно“. Всѣ указанные элементы русскаго народа были представлены на избирательномъ соборѣ 1613 г.: они и составляли „всю Землю“, весь народъ въ политическомъ смыслѣ этихъ словъ. Боярская семья Романовыхъ, обладая крупною поземельною собственностью и въ центрѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, пользовалась широкою извѣстностью въ разнообразныхъ слояхъ населенія, въ томъ числѣ и среди донского казачества, знакомаго къ тому же съ популярнѣйшимъ изъ лицъ этой семьи—бояриномъ Никитою Романовичемъ, когда-то завѣдывавшимъ обороной южной границы. Романовская семья и популярна-то была на Руси, главнымъ образомъ, благодаря личности своего, окруженнаго тароватой легендой, родоначальника — Никиты Романовича, оставшагося въ памяти народной въ качествѣ благодушнаго и справедливаго заступника предъ Грознымъ царемъ за опальныхъ, и еще болѣе была популярна ради сестры этого боярина, первой жены царя Ивана — Настасьи Романовны, о которой, какъ свидѣтельствуютъ документы „Слова и и дѣла“, послѣ смуты въ царскомъ кружалѣ крестьянинъ пѣвалъ пѣсни [1]). Ясно, что и крестьянство, представители коего, полагаютъ, были на земскомъ соборѣ 1613 г., въ общемъ, сочувственно отнеслось къ избранію царя изъ популярнаго боярскаго дома, находившагося въ родственной связи съ династіей „прирожденныхъ государей“, коимъ народъ былъ благодаренъ за побѣдоносную борьбу съ Ордой и Казанью.

VI.

Но при всемъ томъ, если мы присмотримся повнимательнѣе къ настроенію, таившемуся попрежнему въ глубинахъ народныхъ, то мы увидимъ, что ниже „всей Земли“ лежалъ еще соціальный пластъ, не охва-

---

[1]) „Слово и дѣло“, цитир. сборникъ, 5.

ченный этимъ политическимъ понятіемъ, пластъ оставшійся за предѣлами „всей Земли", „наказавшейся" во время Смуты: ввергнутые снова въ неволю холопы и крестьяне и вообще всѣ бездомные, „гулящіе" люди, голутвенные казаки и казачествующіе элементы. Они не „наказались" въ Смутное время, психологія ихъ попрежнему полна недовольства, жажды лучшей жизни и всякихъ мечтаній, вслѣдствіе чего они по кабакамъ болтаютъ „непригожія слова" по адресу „нонѣшнихъ царей" [1]). „Что де нынѣшніе цари"? презрительно кричали въ царскихъ кружалахъ, „намъ, де, тѣ цари нонѣ не подобны", т.-е. неcподручны, ненужны. Тогдашній пролетаріатъ не обнаруживалъ большого тяготѣнія къ государственности и къ монархіи. Много у него накипѣло противъ правящихъ, отъ коихъ онъ не отдѣлялъ и царя. И вотъ стоило только къ какому нибудь обнищавшему мужику Ѳедькѣ явиться служилымъ людямъ „для государева дѣла", какъ этотъ мужикъ Ѳедька начиналъ браниться, со зла горя „лаялъ" онъ „матерны" „воеводъ" и говорилъ: мнѣ де и государь сталъ пуще Лисовскаго, животы де всѣ взялъ" [2]). Этотъ обездоленный матеріально и правами соціальный пластъ и содержалъ въ своей психологіи бродильное начало возбужденія новыхъ массовыхъ движеній, начало борьбы съ боярской Москвой. Изъ этого-то соціальнаго пласта и выходила многочисленная вольница, — всѣ тѣ, которыхъ народная пѣсня именуетъ то „удалыми добрыми молодцами", то „бурлаченными безпачпортными", то „сиротами бѣглыми", „Стеньки Разина работничками" [3]),—всѣ тѣ, которые въ той же пѣснѣ, обращаясь къ „тучѣ грозной", страстно взывали:

„Ты пролей, пролей, частъ-крупенъ дождикъ,
Ты размой, размой землянy тюрьму,
Чтобы тюремнички, братцы, разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися" [4]).

Эти „сироты бѣглыи" въ народной пѣснѣ называютъ Москву „матушкой" [5]), отдавая ей вмѣстѣ съ

---

[1]) „Слово и дѣло", 5, 6, 45 и др. стран.
[2]) Ibid., стр. 6 и 7.
[3]) Пѣсни, собран. П. В. Кирѣевскимъ, II, вып. 6-й, стр. 32; прилож. къ 1-му вып., 140, 154 и др.
[4]) Ibid., прилож. къ вып. 7-му, 154.
[5]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. VII, 37 и др.

остальнымъ русскимъ народомъ невольную дань уваженія; но въ дѣйствительности непримиримымъ общественнымъ элементамъ эта „матушка“ нерѣдко представлялась не родной матерью, а мачехой, и послѣ Смуты такъ же, какъ до нея, отталкивала ихъ отъ себя въ необъятное „дикое поле“, гдѣ крѣпла сила молодецкая въ постоянной степной борьбѣ, но откуда, при новомъ соціально-политическомъ кризисѣ и сгущеніи психологической атмосферы общества, можно было ожидать грознаго прилива враждебной боярскому государству, высокой казацко-народной волны...

2369

ИЗДАНІЯ
Общества изслѣдованія памятниковъ древности имени А. И. Успенскаго при Московскомъ Археологическомъ Институтѣ:

А. В. Филипповъ.—Русскіе поливные изразцы XVI в. (Съ фотогр. и рисунк.). М., 1915, цѣна 65 коп. (Распродано).

W. Deonna.—Сущность Археологіи. Пер. съ франц. Н. В. Русинова. М., 1916, цѣна 75 коп. (Распродано).

Проф. Н. Н. Ѳирсовъ.—Условія, при которыхъ началась семилѣтняя война. М., 1916, цѣна 60 коп.

Акад. А. И. Соболевскій.—Русскія фрески въ Старой Польшѣ (съ 3-мя фототип. табл.) М., 1916 г. цѣна 75 коп. (Распродано).

Сборникъ въ честь проф. В. К. Мальмберга.—Статьи Ф. В. Баллода, О. Ф. Вальдгауера, П. М. Дульскаго, проф. С. А. Жебелева, А. В. Назаревскаго, Д. С. Недовича, проф. Н. И. Новосадскаго, проф. М. И. Ростовцева, А. А. Сидорова, проф. Б. А. Тураева, проф. Э. Р. Фельсберга, М. А. Харузина, В. К. Шилейко, Н. А. Щербакова. Портретъ В. К. Мальмберга гравированъ на деревѣ худ. Ив. Павловымъ, обложка по рисунку худ. В. П. Острова, 9 таблицъ фототип. и 23 рис. въ текстѣ. М., 1917, цѣна 8 руб.

Прив.-доц. Ф. В. Баллодъ. — Египетскій „ренессансъ“. (съ 2-мя фототип. табл.) М., 1917, цѣна 1 руб. 75 коп.

А. В. Филипповъ.—Изразцовый наличникъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и его отмывка. (Съ цвѣт. табл., рисунк. и фотогр.). М., 1917, ц. 3 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія: Москва, Міусская площадь, Археологическій Институтъ., тел. 2-08-93.

Цѣна 1 р. 25 к.